

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-65-3-167-172
УДК 82.0

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ В СТИХОТВОРЕНИЯХ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ, НАПИСАННЫХ В ТАРУСЕ В 1981 ГОДУ

© Ксения Яшина

ARTISTIC INTERPRETATION OF REAL EVENTS IN BELLA AKHMADULINA'S POEMS, WRITTEN IN TARUSA IN 1981

Kseniya Yashina

The article analyzes B. Akhmadulina's poems, written in Tarusa in February–March 1981. The aim of the work is to compare the real life situation and its representation in a lyrical work. The author suggests that all the poems, created during the poet's stay in Tarusa in February–March, 1981, should be considered as a single lyrical cycle. The article proves that the parts of this cycle are chronologically (precisely dated by B. Akhmadulina), spatially (the image of Tarusa is found in all the works) and also plot related. According to the author, they consistently unfold the plot, describing the spiritual awakening of the lyrical heroine and the return of the opportunity to write poetry. Much attention is paid to the biographical context, which is used to create the necessary commentary. The study proves that the texts are largely based on her autobiography, creating the effect of diary writing. In the poems, the real life situation of parting with loved ones transforms into a situation of a spiritual hibernation, internal discord and, as a result, the impossibility to create. In this context, the Tarusa space is endowed with healing fairy-tale properties that help the heroine to return the state of inner harmony and gain the ability to express herself in creative work.

Keywords: Akhmadulina, Tarusa, biographical context, interpretation, image.

В статье анализируются стихотворения Б. Ахмадулиной, написанные в Тарусе в феврале – марте 1981 года. Целью работы является анализ отражения жизненной ситуации в лирическом произведении. Автор высказывает предположение, что все стихотворения, созданные в период пребывания поэта в Тарусе в феврале – марте 1981 года, можно рассматривать как лирический цикл. Доказывается, что части данного цикла связаны хронологически (точно датированы Б. Ахмадулиной), пространственно (в них явлен образ Тарусы), а также сюжетно. По мнению автора, в них последовательно разворачивается сюжет духовного пробуждения лирической героини и возвращения возможности писать стихи. Большое внимание уделяется биографическому контексту, который привлекается для создания необходимого комментария. Доказывается, что степень автобиографичности текстов велика и в стихотворениях создается эффект дневниковости. Реальная жизненная ситуация расставания с близкими людьми в стихотворениях перерождается в ситуацию духовной спячки, разлада с собой и, как следствие, невозможности творчества. Пространство Тарусы в данном контексте наделяется целебными сказочными свойствами, которые помогают героине вернуться в состояние гармонии и обрести способность выразить себя в художественном творчестве.

Ключевые слова: Ахмадулина, Таруса, биографический контекст, интерпретация, образ.

Таруса – знаковый локус в художественном мире Б. Ахмадулиной по многим причинам. В первую очередь она воспринималась поэтом как цветаевское место: Марину Цветаеву и ее родителей называют первыми дачниками Тарусы, с этим городом были связаны самые светлые детские воспоминания поэта.

Кроме того, Б. Ахмадулина и ее современники воспринимали этот небольшой город, распо-

ложенный близко к Москве, как пристанище или место ссылки диссидентов и всех «неугодных» власти (во многих работах, посвященных литературной Тарусе, встречается формулировка «101-й километр»).

С Тарусой также связаны имена К. Г. Паустовского, Н. А. Заболоцкого, художников В. Д. Поленова, В. Э. Борисова-Мусатова и других. Однако культурный контекст, безусловно

важный для Б. Ахмадулиной, был не единственной причиной глубокой привязанности поэта к городу. Таруса сыграла роль и в ее собственной жизни. Впервые она приехала в туда со своим мужем, художником Борисом Мессерером, в 1975 году и с тех пор бывала регулярно, особенно часто – в 1980-е годы. Стихотворения, написанные в Тарусе, легко вычленимы при чтении полного собрания сочинений поэта, так как с конца 1970-х годов произведения сопровождаются четкой датировкой и указанием места написания. Интересно, что понятия «стихотворения, написанные в Тарусе» и «стихотворения о Тарусе» практически могут быть приравнены друг к другу. Дело в том, что пространство в лирике Б. Ахмадулиной становится полноправным героем произведения, определяет ощущения и поведение лирической героини. По замечанию В. В. Абашева, «прежде всего, пространство осознается и переживается Ахмадулиной как высшая онтологическая инстанция, в отношениях с которой происходит самоопределение поэта» [Абашев, с. 90].

Тарусские стихотворения неоднократно рассматривались литературоведами. Т. В. Алешка [Алешка] и Д. Маслеева [Маслеева] обращались к ним в контексте цветаевской темы в творчестве Б. Ахмадулиной; М. С. Михайлова рассматривала их при исследовании образа сада и метафоры цветочного времени [Михайлова]; библейский контекст в произведениях, созданных в Тарусе, изучала В. К. Зубарева [Зубарева]. Кроме того, сборники «Сад» и «Тайна», куда вошли эти стихотворения, стали материалом для исследования категории пространства в работе В. В. Абашева [Абашев].

Тема данной работы – отражение реальных событий жизни поэта в лирическом тексте. Нужно оговориться, что биографические сведения не воспринимаются нами как единственно верный ключ к интерпретации. По замечанию А. Б. Есина, «лишь в редчайших случаях он (биографический контекст. – К. Я.) нужен для понимания Произведения (в лирических Жанрах с ярко выраженной функциональной направленностью – эпиграммах, реже в посланиях). В остальных же случаях привлечение биографического контекста не только бесполезно, но зачастую и вредно, так как сводит художественный Образ к конкретному факту и лишает его обобщающего значения» [Есин].

Рассмотрение степени автобиографичности художественного текста, таким образом, с одной стороны, может быть избыточным, но, с другой стороны, может пролить свет на некоторые важные для понимания факты. По мысли В. Е. Хали-

зева, «деятельность писателя, который так или иначе „опредмечивает“ в произведении свое сознание, естественно, стимулируется и направляется биографическим опытом и жизненным поведением» [Хализев]. Продолжая свою мысль, он отмечает, что «нередки весьма серьезные расхождения и радикальные несоответствия между художнической субъективностью и жизненными поступками и бытовым поведением писателя» [Там же]. События реальной жизни проходят процесс художественной трансформации и становятся событиями художественного мира – таким образом, их нельзя приравнять друг к другу. Однако, учитывая высокую субъективность лирики в целом и в частности стихотворений Б. Ахмадулиной, стоит отметить, что часто в произведениях проявляются многие детали реальной обстановки. В рассматриваемых произведениях это выражается в первую очередь в упоминании топонимов и имен. Без знания их значения понимание становится неполным. Наша задача, таким образом, заключается в том, чтобы дать необходимый для понимания биографический комментарий, который может стать одним из ключей к пониманию образа Тарусы в лирике поэта. Кроме того, интересным нам представляется сопоставление событий реального мира и их художественной интерпретации.

Материалом нашего исследования стали стихотворения, написанные в Тарусе в феврале – марте 1981 года. Этот период был выбран не случайно. В одном из интервью Б. Ахмадулина говорила о том, что 1980 год стал для ее творчества «пограничным» и тяжелым. Среди определяющих событий она называла начавшуюся войну в Афганистане, высылку А. Д. Сахарова (в защиту которого Б. Ахмадулина открыто выступала и даже собиралась поехать в Горький, о чем сообщал в мемуарах В. Н. Войнович). Этот ряд можно продолжить: вынужденный отъезд в Германию В. Н. Войновича, ее близкого друга, смерть Н. Я. Мандельштам, В. С. Высоцкого. В жизни самой Б. Ахмадулиной также сгустились тучи: к этому моменту произошел разгром журнала «Метрополь». После указанных событий, как сообщала сама Б. Ахмадулина, она «обрела очень много свободы в том смысле, что никто меня не снимал, никто со мной не разговаривал, никто у меня интервью не брал». И далее: «ненадобная никаких издателям, журналистам и вообще никому, кроме как друзьям моим, я уехала из Москвы в Тарусу, есть такое знаменитое место, и провела там довольно много времени. И вдруг там я очнулась» [Больше, чем любовь...].

Именно в момент этого «пробуждения» и были созданы стихотворения, которые стали

предметом рассмотрения в нашей работе. Предполагаем, что произведения, написанные в феврале – марте 1981 года, можно рассматривать как лирический цикл, части которого связаны хронологически (повторимся, что они четко датированы), пространственно и сюжетно. Всего в период поездки в Тарусу в феврале 1981 года было написано пятнадцать стихотворений. В работе мы рассмотрим четыре из них – «Ладыжино», «Рассвет», «Радость в Тарусе» и «Луна до утра». Выбор произведений обусловлен хронологией их написания: два первых стихотворения написаны практически сразу после приезда, третье через некоторое время, а последнее – перед отъездом. Такой отбор позволит нам проследить эволюцию сквозных тем и постепенное развитие лирического сюжета.

Первое из стихотворений называется «Ладыжино». Все его части пронизаны биографическими отсылками. Во-первых, это название. Ладыжино – деревня недалеко от Тарусы, куда Б. Ахмадулина периодически отправлялась на прогулку или в гости к своей знакомой тете Мане, имя которой также появляется здесь. Комментируя одно из писем поэта, Борис Мессерер писал: «Тетя Маня – простая женщина, которую Белла любила, – часто являлась адресатом стихов Беллы. Жила в своем доме в деревне Ладыжино» [Мессерер, с. 100].

Во-вторых, это посвящение – Владимиру Войновичу. Известно, что Владимир Войнович с семьей вынужден был уехать в Германию в декабре 1980 года. Прощальный вечер прошел в мастерской Бориса Мессерера на Поварской улице (где Ахмадулина и Мессерер на тот момент жили). Для Б. Ахмадулиной это стало серьезным испытанием. Войнович в книге «Автопортрет. Роман моей жизни» писал об этом: «Прощание длилось несколько дней, и меня все эти дни не оставляло ощущение, что я присутствую на собственных похоронах» [Войнович]. К этой же теме относится упоминание Баварии в стихотворении. В-третьих, пространство в тексте четко локализовано – Ока, Ладыжино, Таруса.

Сюжет отсутствия конкретных людей в стихотворении не разворачивается явно, но намечается благодаря биографическим отсылкам. Основной мотив – раздвоенность бытия героини и неестественность происходящего. Причиной этого душевного разлада называется «разбой», воровство. Душа героини «обобрана», так как у нее отобрали тех, кто принадлежит ей и этому пространству. В контексте этого состояния появляется образ смерти:

«Душе во сне в Баварию глядеть
досуга нет – но и вчера глядела.
Я думала, когда проснулась здесь:
душе не внове будет взмыв из тела» [Ахмадулина, с. 186].

Ключевым является образ тети Мани, которая стремится утешить героиню и не может помочь ей. Избушка становится символом беззащитности перед глобальными процессами и силами:

«Прогорк твой лик, твой малый дом убог.
Моих друзей и у тебя отняли.
Все слышу: „Не печалься, голубок“.
Да мочи в сердце меньше, чем печали» [Там же, с. 187].

Таким образом, в данном стихотворении создается эффект дневниковости: упоминание имен и локаций наталкивает на мысль о существовании фактов, необходимых для правильного понимания. Биографический контекст помогает восстановить хронологию событий и выяснить, что речь идет о насильственном расставании с другом. Размышления об этом разворачиваются на фоне русской природы и русских сел, которые несут на себе отпечаток заброшенности. Расставание с родиной мыслится лирической героиней Б. Ахмадулиной как в высшей степени неестественная ситуация.

Следующее стихотворение – «Радость в Тарусе» – датировано 1–2 марта, то есть написано через несколько дней после «Ладыжино». В начале продолжается тема забвения и сна:

«Время смертей и смертельных разлук,
хоть не прошло, а уму повредило.
Я позабыла, что сосны растут.
Вид позабыла всего, что родимо» [Там же, с. 190].

В стихотворении выделяются две части. В первой тема бед нарастает. Нанизываются образы разлуки, корысти, разрушенных церквей, маленьких бедных сел. Но в пятом четверостишии этот ряд прекращается глаголом «вспомнила». Это своеобразная кульминация произведения, сюжетно совпадающая с восходом солнца, который напоминает лирической героине о нормальном ходе вещей, о жизни окружающего мира.

Здесь также присутствуют топонимы и имена, отсылающие нас к событиям, при которых было написано произведение. Так, например, Ока становится знаковым локусом и определенным маркером Тарусы, ее центром и символом. Упоминается имя Маша, а также конюх Федор Данилович и конь Мальчик.

Но эти приметы реального пространства уходят на второй план, так же как и сюжет весеннего утра. На первый план здесь выходит художественная ситуация духовного пробуждения и преображения поэта, преодоление разлада, который наметился в стихотворении «Ладыжино». В произведении появляется сказочный подтекст, так как героиня пробуждается от волшебного сна, навлеченного на нее враждебными силами. В пространстве, в котором она оказывается, ее встречает удивительный человек и рассказывает удивительные истории о волке, который заходит в соседнюю деревню.

По нашему мнению, это очень важный образ, так как сказочность тарусского пространства усиливает различие между состоянием героини в пространстве реальном и в пространстве сна. Усиливает боль и беды, которые она испытала. Все люди, которые встречаются ей, добры и естественны. Они так же страдают от разбоя и произвола, как и героиня. В их мире, удаленном от зла и враждебности, она может преодолеть разлад и раздвоенность.

Биографические отсылки становятся здесь не столь явными, но не менее значимыми, так как преодоление раздвоенности и злости, духовное пробуждение связано у Б. Ахмадулиной с возвращением способности писать. В одном из писем из Тарусы она сообщала Мессереру: «думаю, что стихи все же возьмут свое прежде, и дай Бог, но – им виднее» [Мессерер, с. 112].

Тема возможности и невозможности творчества – основная в цикле, который мы анализируем. В первом стихотворении речи о творчестве не идет. В конце стихотворения «Радость в Тарусе» происходит символическое прощение героини и ее попытки начать творить:

«Ночью, при сильном стеченье светил,
долго смотрю на леса, на равнину.
Господи! Снова меня Ты простил.

Стало быть – можно? Я – лампу придвину» [Ахмадулина, с. 191].

В данном контексте становится ясно, что пробуждение, о котором говорила Б. Ахмадулина в интервью, в лирике приобретает иной характер. Прощение, ощущение бытия, отсутствие злобы – это шаг на пути к творчеству, возможности встретить стихи. Неслучаен в данном контексте образ лампы – постоянного спутника поэтического труда в художественном мире поэта, а также упоминание Господа, так как поэзия – это дар, не зависящий от человека.

Обратим внимание на то, что с уменьшением количества отсылок к жизненным событиям в стихотворениях начинает преобладать внимание

к конкретному моменту и состоянию пространства. Окружающий мир словно проступает сквозь текст, собираясь из небольших обрывочных образов. Предметы обстановки и окрестностей поэтизируются в свойственной для Б. Ахмадулиной манере: балкон описывается как «гроздь ветхости», капель «бубнит», сердцевина абажура «пылает» и т. д. Из обычных предметов они становятся символически наполненными вещами, которые складывают образ пространства.

В следующем стихотворении – «Рассвет» – внимание лирической героини сосредоточено на конкретном мгновении, его осознании. Пространство не локализовано, преобладает тревожное настроение. Капель олицетворяется и представляется в образе плачущего человека:

«Вот голосок, разорванный на всхлипы,
возрос в струю и в стройное стенанье» [Там же, с. 199].

Этот плач будит героиню и «мучит ее предсказаньем». В последнем четверостишии появляется упоминание Мандельштама, что свидетельствует о постепенном погружении в пространство культуры и литературы, характерное для нормального состояния героини Б. Ахмадулиной. Таким образом, тема тревог и перипетий здесь продолжается, но явлена имплицитно. На первый план выходит знакомство с моментом и пространством.

В последнем мартовском стихотворении «Луна до утра» грань между бытием и поэтическим бытием стирается, так как вся жизнь представляется как один поэтический труд и подвиг. Главный образ здесь – образ луны, а также приметы творческого процесса – лампа, стол, тетрадь. Заря трактуется как переход от обыденного состояния к вечности, то есть ото дня к ночи, которая является постоянным спутником творческого процесса.

Интересно, что с этого момента в стихотворении происходит смена тональности. Все события – события, связанные со словами и языком, нервы рвут эпитет, а балкон не может быть назван просто «балкон»:

«Здесь, где живу, есть – не скажу: балкон –
гроздь ветхости, нарост распада, или
древесное подобье облаков,
образование трогательной гнили» [Там же, с. 202].

И далее происходит процесс прихода стихов, боязнь их спугнуть, желание их принять и разместить в тетради.

Пространство Тарусы, таким образом, в контексте данного цикла стихотворений восприни-

мается как место, обладающее «целебной» силой: оно помогает лирической героине справиться с раздвоенностью и внутренним разладом. Это дает возможность ей реализовать свое истинное предназначение – быть поэтом. Способность писать стихи и складывать слова воспринимается здесь как дар, не зависящий от человека.

На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. В стихотворениях происходит лирическое преобразование жизненной ситуации. Степень автобиографичности текстов велика, на что указывают имена, топонимы, без которых полное понимание произведений невозможно. Они создают эффект дневниковости. С другой стороны, анализ художественного текста позволяет выявить другие грани ситуации. Печаль перерождается в ситуацию духовной спячки, разлада с собой, что лишает поэта возможности творить.

2. Уменьшение роли биографических отсылок влечет за собой увеличение доли деталей пространства, его раскрытия. Осознание своего положения в пространстве, внимание к окружающему миру – состояние, которое маркируется в произведениях как возможность к творчеству.

3. Стихотворения, написанные в Тарусе в феврале – марте 1981 года, можно рассматривать как цикл, так как они связаны хронологически (написаны день за днем, согласно авторской датировке), пространственно (во всех есть приметы Тарусы), а также сюжетно. Последовательно они представляют ситуацию духовного перерождения, освобождения от земного и воскрешения для творчества.

Список литературы

Абашев В. В. Воля пространства и течение стиха. О поэтике Ахматулиной 1980-х гг. (книги «Тайна» и «Сад») // Филологический класс. Том 25. 2020. № 1. С. 86–94.

Алешка Т. В. Творчество Беллы Ахматулиной в контексте традиций русской поэзии. Минск: БГУ. 2001. 124 с.

Ахматулина Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга. 2012. 856 с.

«Больше, чем любовь. Белла Ахматулина и Борис Мессерер. Знаменитые романы и любовные истории. Истории великой любви». Телепередача. Телеканал «Культура». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GvakYPjkk1g> (дата обращения: 02.08.2021).

Войнович В. Н. Автопортрет. Роман моей жизни. М.: Эксмо. 2017. 912 с. URL: <https://www.litres.ru/vladimir-voynovich/avtoportret-roman-moei-zhizni/> (дата обращения: 02.08.2021).

Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие. М.: Наука, 2000. URL: <https://pseudology.org/Literature/EsinAnaliz/42.htm> (дата обращения: 02.08.2021)

Зубарева В. К. Тайнопись. Библиейский контекст в поэзии Беллы Ахматулиной 1980-х – 2000-х годов. М.: Языки славянских культур. 2017. 224 с.

Маслеева Д. А. Диалог поэтических миров: Белла Ахматулина – Марина Цветаева // Вестник Удмуртского университета. 2014. Вып. 2. С. 173–178.

Мессерер Б. А. Письма Беллы. М.: Арт-Волхонка, 2017. 364 с.

Михайлова М. С. Концепт сада и метафора «цветочного времени» в книге Беллы Ахматулиной «Сад» // Культура и текст. 2005. № 8. С. 192–197.

Хализев В. Е. Теория литературы: учебник для студ. высш. учеб. заведений 5-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2009. URL: https://modernlib.net/books/halizev_v/teoriya_literaturi/read (дата обращения: 02.08.2021).

References

Abashev, V. V. (2020). *Volia prostranstva i techenie stikha. O poetike Akhmadulinoi 1980-kh gg. (knigi "Taina" i "Sad")* [The Will of Space and the Flow of Verse. On Akhmadulina's Poetics of the 1980s (Based on Her Books "The Mystery" and "The Garden")]. *Filologicheskii klass*. Vol. 25. No 1, pp. 86–94. (In Russian)

Aleshka, T. V. (2001). *Tvorchestvo Belly Akhmadulinoi v kontekste traditsii russkoi poezii* [Bella Akhmadulina's Works in the Context of the Russian Poetry Tradition]. 124 p. Minsk. BGU. (In Russian)

Akhmadulina, B. A. (2012). *Polnoe sobranie sochinenii v odnom tome* [Full Collection of Works in One Volume]. 856 p. Moscow. Alfa-kniga. (In Russian)

"Bol'she, chem liubov'. Bella Akhmadulina i Boris Messerer. Znamiennyye romany i lyubovnyye istorii. Istoriya velikoy liubvi" ["More Than Love: Bella Akhmadulina and Boris Messerer. A Famous Love Story]. TV program. Channel "Kul'tura". URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GvakYPjkk1g> (accessed 02.08.2021). (In Russian)

Esin, A. B. (2000). *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: ucheb. posobie*. [The Principles of the Literary Work Analysis: A Manual]. Moscow. Nauka. URL: <https://pseudology.org/Literature/EsinAnaliz/42.htm> (accessed: 02.08.2021). (In Russian)

Khalizev, V. E. (2009). *Teoriya literatury: uchebnyy dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy 5-e izd., ispr. i dop.* [The Theory of Literature: A Textbook for University Students]. Moscow. Izdatel'skii tsentr "Akademiya". URL: https://modernlib.net/books/halizev_v/teoriya_literaturi/read (accessed 02.08.2021). (In Russian)

Masleeva, D. A. (2014). *Dialog poeticheskikh mirov: Bella Akhmadulina – Marina Tsvetaeva* [The Dialogue of Poetic Worlds: Bella Akhmadulina – Marina Tsvetaeva]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. Iss. 2, pp. 173–178. (In Russian)

Messerer, B. A. (2017). *Pis'ma Belly* [Bella's Letters]. 364 p. Moscow. Art-Volkhonka. (In Russian)

Mikhailova, M. S. (2005). *Kontsept sada i metafora "tsvetohnogo vremeni" v knige Belly Akhmadulinoi "Sad"* [The Concept of Garden and the Metaphor of the "Flower Time" in Bella Akhmadulina's Book "The Garden"]. *Kul'tura i tekst*. No 8, pp. 192–197. (In Russian)

Voinovich, V. N. (2017). *Avtoportret. Roman moei zhizni* [A Self-portrait: The Novel of My Life]. 912 p.

Moscow. Eksmo. URL: <https://www.litres.ru/vladimir-voynovich/avtoportret-roman-moei-zhizni/> (accessed 02.08.2021). (In Russian)

Zubareva, V. K. (2017). *Tainopis'. Bibleiskii kontekst v poezii Belly Akhmadulinoi 1980-kh – 2000kh godov* [The Biblical Context of Bella Akhmadullina's Works of 1980–2000]. 224 p. Moscow. Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

The article was submitted on 15.08.2021

Поступила в редакцию 15.08.2021

Яшина Ксения Ивановна,
аспирант,
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
603022, Россия, Нижний Новгород,
пр. Гагарина, 23.
ksenki13@gmail.com

Yashina Kseniya Ivanovna,
graduate student,
Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Prospekt,
Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation.
ksenki13@gmail.com